

МАРИЯ КИРИКОВНА САРАФАНОВА

Мария Кириковна Сарафанова в год записи (1926) — 45-летняя крестьянка д. Середка Кижского сельсовета Заонежского района. Была замужем, имела детей.

Сарафанова — дочь Кирика Гавриловича Рябинина и внучатная племянница Ивана Трофимовича Рябинина. Могла припомнить только былинку о Дюке, совершенно почти ею позабытую. Начала петь ее очень уверенно, потом стала сбиваться. И только огромным напряжением памяти, эпизод за эпизодом воссоздала помещаемый здесь текст. См. об этом в моей статье «Былины в Заонежье» (Крестьянское искусство СССР, вып. 1, Л., 1927, стр. 87) и в книге «Былины Севера» (I, стр. 75). «Раньше изредка пела, а теперь редко пою и забыла», объяснила сама сказительница.

Былинку, по ее словам, усвоила от деда — Ивана Трофимовича, но сличение ее текста с обеими записями былины о Дюке от Трофима Григорьевича у Гильфердинга и Рыбникова и с текстом пасынка и преемника эпического искусства Ивана Трофимовича — Ивана Герасимовича Андреева-Рябинина — не позволяет говорить о восхождении варианта Сарафановой к рябининской редакции. Близость к тексту Трухавой (№ 149) заставляет предполагать другой, нам не известный источник. В том же 1926 г. былина о Дюке была вторично записана экспедицией ГАХН (Сок.-Чич., стр. 474—475).

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

- Ни что ли белая берёзка нагибается,
Сын со родной со маменькой прощается,
Со честной вдовой Олимфой Тимофеевной:
«Ой ты дай мне, родитель родна маменька,
5 Дай-ка прощеньице-благословеньице,
Мне-ка съездить на ту гору Сорочинску
И ко этому ко князю стольне-киевскому.
Я везде-то, молодец, побывал,
Только в городе во Киеве вить не бывал,
10 Не видал-то я князя со княгиною,
Со княгиною да стольне-киевской».
— «Да какое вышло дитячко заносчиво,
Ты заносчиво да захвасливо.
Уж ты хвастаешь животишками сиротсками,
15 Сиротсками да вдовичными.
Поезжаешь ты в этот Киев-град,
Как до этого до Киева да города
Есть там заставы да все великии,
Ой великие да страховитые.
20 Ай да там ведь да и не проехать».
И говорит тут Дюк Степанович:
«Хошь ты дашь мне прощеньице — поеду я,
Хошь не дашь прощеньица —
Я и поеду тут во этот в Киев-град,
25 Да ко этому ко князю стольне-киевскому».
Как говорила тут Олимфа Тимофеевна:
«Как до этого до города до Киева
Есть три заставы великии.
Одна и застава есть птицы поклевуции,
30 Друга и застава есть змеи поедучии».
Он по горенке да все тут похаживал,
Выходил он да в широкий двор.
Он берет тут узду золоченую,

Он ведь брал, седлал–то бурушку–кавурушку,
 35 Выводил он всё со дворика широкого,
 Привязал к столбу–то ко точёному
 И к кольцу–то золочёному.
 Шелковóй плеткóй тут ведь он–то помахивал,
 Громким голосом он всё покрикивал:
 40 «И уж ты, конь ли ты аль да лухой зверь!».
 Только видли они молодца тут сядуци,
 Яй не видели оны молодца поехавши.
 Как ведь бурушка–кавурушка поскакивал,
 Ай маленький–косматенький провёртывал,
 45 С горы на́ гору да с хóлмы на́ холму,
 Все реки–то ведь озёры между но́н спущал.
 Первы й заставы пришли вить горы потолкучие.
 Не успели горы стóлнутьця–растóлнутьця
 (Он из дому тут проехал),
 Как вить бурушка–кавурушка поскакивал,
 50 А ще маленький–косматенький провёртывал,
 С горы на́ гору, с хóлмы на́ холму,
 Все реки да и озёры между но́н спускал.
 Дру́га за́става ведь змеи поедучии,
 Не успели змеи хобутов расправити,
 55 Ай ще маленький–косматенький провёртывал
 С горы на́ гору да с хóлмы на́ холму,
 Ай ли реки да и озёры между но́н пуцал.
 Трнтя за́става тут птицы поклевуции,
 Не успели птицы крылышков расправити,
 60 Как ведь бурушка–кавурушка проскакивал,

271

А ще маленький–косматенький провёртывал,
 С горы на́ гору да с хóлмы на́ холму,
 Все реки–то тут озеры между но́н спущал.
 Он из дому тут поехал от заутрени,
 65 Ай во Киев–град приехал он к обеденьки.
 — «Как во этоём в городе–то Кееве
 Всей есть вить там да не по нашему,
 И как домищецки стоят–то будто баенки,

- Да й народ–то там живёт–та неучёный–та,
 70 И как столбы стоят–то там всё тёсаны,
 Да й колечком за́вернуты нестроганым».
 И привязал он всё тут бурушка–кавурушка
 Да й вить к этому кольцу да тут нестрогану.
 А как овсищецко дал–то всё тут зяблое.
- 75 Он ко князю тут заходит ко Владимиру,
 Да й во эту й вить он да во квартиру–то,
 Как этого–то тут князя да Владимира:
 «Уж вы здравствуйте–ка тут вы, рукомойницки!».
 Говорит тут жена князя Владимира:
- 80 «Эта есть–ка тут не рукомойницки».
 И говорит тут–то Дюк Степанович:
 «Как во на́шем–то тут да городе
 Все вить этаки да есть да рукомойнички.
 А ще й где–то здесь Владимир князь?»
- 85 Как звать–то князя да Владимира,
 Да й Владимира да по отечеству?».
 — «А ще й есть–то здесь да Владимир Алексеевич,
 Он находится у нас во божьнй церкви»,
 И он приходит тут во церковь богомольною,
- 90 Да й ко этому ко князю ко Владимиру.
 Как стоит–то тут Владимир Алексеевич,
 Он стоит тут да удивляется.
 И он подходит–то ко Дюку Степановичу,
 Он поклон–то тут ведёт–то понизёшенько:
- 95 «Уж вы здравствуйте, Дюк Степанович!
 Уж зачем–то тут вы приехали,
 По каким делам вить здесь да вы находитесь?».

- Говорит–то тут–ко Дюк Степанович:
 «И вот везде–то всё молодец по́бывал,
 100 Только в городе во Кееве здесь не́ бывал,
 Не видал я всё да места тут загна́нного:
 И как во этом во городе во Кневе
 Как домисецки стоят–то быдто баенки».
 — «Это да пойдём–ка, Дюк Степанович,

- 105 Всё й во этой во светлы наши горницы».
И он заводит тут во светлую во свѣтлицу,
Да во этой во светлой-то свѣтлицы
Призадѣрнуты есть тут столики дубовыи,
Да й принасланы все скатерти шелкóвые,
110 Тут кладены все кушанья сахáрные,
Да й поставлены все питьица медвяные,
И все й садились тут за столики дубóвыи.
Наливали эту чару зеленá вина,
И он выпил эту чару зеленá вина,
115 Зеленá вина да половиночку.
Говорит тут Дюк Степанович:
«Это что у вас вить есть да за наливочка,
За наливочка да за невкусная?
И как у нас-то есть да всё наливочки,
120 Как ведь чарочку тут пьѣшь — да дрúгу хочется,
Ай другой пьѣшь — по третьей душа горит.
Ай закусочки у нас есть да ведь вкусныи,
Как одну вить съем — да дрúгу хочется,
Другú возьмѣшь — по третьей душá горит.
125 И вы скажите тут, Владимир Алексеевич:
Вы всё чем да как да тут готóвите?
И как стоят-то тут да бочечки дубовые,
Да обручки на бочечках сосновыи,
Да и печеньки-то там да всё кирпичные,
130 Да помельчата есть там да всё сосновыи.
Из-за этого у вас да всё невкусное.
Как у нас да бочечки кленовыи,
Еще у нас печеньки да изразцовыи,
Да й помельцики у нас да тут шелкóвыи,
135 Да й во этом у нас тут хлеб пекут,
А ще хлеб пекут да всё готовитца.
Как у нас ведь есть да рукомойнички,
Рукомойницы у нас да всё готовят-то.
Ай готовят-то оны да ходят-то.
140 Ай моя-ка тут родитель родна маменька

Есть находится Олимфа Тимофеевна,
Ай вдова–то вить и есть да беспризорная,
И она готовит эти питыица медвяные,
Да й свои вить всё да кушанья сахарные,¹
145 Наше место–то вить есть да не былóвое».
Когда покушал, стал угощать Владимира:
Он ведь ставил всё питыица медвяные:
«Уж ты кушай–ко, Владимир Олексеевич,
Да закусочки у нас да все сахарные».

Владимир Олексеевич стесняется, что в Киеве всё хуже, а там лучше. И идут они коня посмотреть. Дюк говорит про коня, как он ехал, и что конь некормлен. Князь Владимир велел хорошо покормить коня. Потом они едут кататься. Дюк Степанович покрикивает на коня.

Он проехал тут по городу по Киеву
И всего–то пять минут.

Когда приехали, ударили о велик заклад, о велик заклад на три годика, не позже трех лет приехать к Дюку Владимиру Олексеевичу погостить. Дюк отправился обратно в свой город. А тот остался с обещанием.

¹ Вариант стихов 143–144:

Да й свои вить всё да кушанья сахарные,
Этой питыица у нас да всё медвяные.